

МАРК ДОВЛАТОВ

НЕУТОМИМАЯ

СРАС

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Марк Довлатов

**Неутолимая страсть.
Секс-рассказы**

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Довлатов М.

Неутолимая страсть. Секс-рассказы / М. Довлатов — «ЛитРес: Самиздат», 2020

ISBN 978-5-532-05329-8

Как долго в отношениях может сохраниться физическое влечение, вспыхивающее порой пламенем неистовой страсти, и что нужно, чтобы огонь этот не угас – об этом вы узнаете из новых рассказов об эротических экспериментах Майкла Д. Фарисеям и филистерам читать строго запрещено. Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-532-05329-8

© Довлатов М., 2020
© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Фаллический символ	5
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Фаллический символ

*Мы выбираем не случайно друг друга...
Мы встречаем только тех,
кто уже существует в нашем подсознании.
(Зигмунд Фрейд)*

Солнце ласково заглядывало в окно, слышался птичий щебет, курлыканье голубей и важное карканье ворон. Михаил Дуридомов пил кофе на кухне и по-быстрому просматривал статистику своего сайта. Из большой кастрюли на полу доносился пряный запах замаринованного свиного ошейка: черный и красный перец, лук, лавровый лист и белое сухое вино создавали неповторимый аромат. Одет он был в старые обрезанные выше колена джинсы и черную футболку с высунутым красным языком, на ремне уже висел его любимый охотничий «Solingen» с рукояткой из оленьего рога. Главврач больницы, в которой работала Бэла, решил для сплочения коллектива устроить маевку и вывезти всех на шашлыки. Встретиться договорились прямо на берегу Змейки. *Пора Бельчонка будить, да и ехать, пока туда толпа не набежала.*

Михаил прошел в спальню: пурпурные отсветы солнечного света укрывали обнаженные плечи рыжеволосой девушки, которая спала на правом боку, положив ладошки под щеку. *Сколько раз ты вот так на нее смотрел, а насмотреться не можешь. Она похожа на полевой цветок, покрытый росой на восходе солнца. Так хочется забуриться носом в ее волосы, услышать родной запах... Лучшее этого ничего нет: не замутненная ничем радость нового дня, в котором будет и она... А когда-то... Когда-то ведь ее не было в твоей жизни, и утро начиналось у тебя с дурацкой надежды, что кто-нибудь написал тебе сообщение ВКонтакте. А никто особо и не писал, и ты шел на свою никчемную работу, зарабатывал копейки, возвращался домой к компу, в котором так и не было ничего нового, ел сосиски или жарил яичницу, сидел в сети, ожидая чуда: какая-нибудь девчонка написала тебе «привет давай дружить». А Белка жила в твоём подъезде, вы и встречались часто по вечерам, но она была младше тебя на пять лет, и ты воспринимал ее как обычную дворовую пацанку с грязными коленками, и не заметил, что она уже расцвела, бутон ее налился соком жизни и что она подает тебе недвусмысленные знаки, которые ты не мог расшифровать по своей дуридомской простоте.*

А потом... Потом все изменилось. Однажды ты ее увидел. Помог тебе в этом дождь, намочивший ее топ и проявивший соски, и ты смог наконец сказать ей, что она красивая, и она пошла с тобой, и с тех пор вы живете вместе. Жизнь твоя стала совсем другая, да и ты сам стал другой: придумал себе дело, и теперь пол-Мухосранска – клиенты твоего сайта. Бизнес твой пошел в гору, стал приносить хорошие деньги и удовлетворение, ты успокоился, но ощущение озарения от пойманной жар-птицы не ушло, оно часто возникает в тебе – вот как сейчас.

Михаил опустил на колени возле кровати и поцеловал девушку в плечо, потянул одеяло вниз; она повернулась, потянулась и потеряла глаза.

– Ой, Мишка, мне такой сон приснился!

– Какой.

Он опустил левую руку по животу Белки и добрался до бедра, продвинул ладонь между ляжками и тихонько их раздвинул, пальцы ощутили приятную влажность утреннего цветка.

– Я маленькая... и бегу по какому-то лугу... цветы кругом...

– И ты голая.

– Ну нет! Я в платичке.

Его губы поймали левый сосок девушки, втянули в себя, а зубы задрожали как у мявчащего кота, увидевшего птицу.

– И вот я так бегу... бегу... навстречу солнцу... Ой, ну что ты делаешь.

– И тут выпрыгивают пираты. И утаскивают маленькую девочку...

– Ну не было там никаких пиратов!

– А кто был.

– Никого не было. Но я знала, что если добегу до солнца, то там увижу... Ну сильнее чуть внизу. Ну дай мне губы, Мишка. Господи, как мне было хорошо! И сейчас... и... сильнее... всёооооооооооо!!!

Белка вскрикнула, сжалась, дернулась всем телом и перевернулась на бок, а Михаил целовал ее между лопаток и ниже по позвоночнику, целовал ее розовую сочную попку, перевернул к себе и раздвинул ноги, провел ладонью по мокрым ляжкам.

– И чем там сон кончился.

– А ничем не кончился. Ты меня разбудил.

– И о чем же был сон.

– Как о чем. О счастье. Так тепло на душе. До сих пор.

– Пора вставать, маленькая.

– А ну встань. О, а чего это твой пиратище торчит так.

– Работа у него такая. Пиратская.

Белка растегнула zipper и выпустила член на волю, он завибрировал и гордо вскинул голову. Она отодвинула шкурку назад, тронула ногтем отверстие, член дернулся.

– А чего это ты с ножом по дому ходишь, Мишка.

– А как же пирату без ножа. Никак нельзя. Мы же на пикник собирались.

– О господи, точно!

Белка осторожно вытасила нож из ножен, приложила плашмя холодную сталь к головке и стала потихоньку двигать.

– Страшно тебе?

– Еще как.

– А чего же он торчит?

– Страх гонит в кровь адреналин, она начинает быстрее бегать. И туда тоже.

Девушка приложила левой рукой нож тупым концом лезвия снизу к мошонке, а правой задвигала шкурку члена, зажав его в кулаке, глаза ее поднялись и впились в глаза Михаила.

– Гонит?

– Уууух, Белка, блин...

Белка осторожно опустила нож, отбросила его вправо на кровать, двумя руками сильно сжала член и направила себе на грудь, потом резко убрала обе руки: член заработал как пожарный брандспойт, поливая розовые холмики опаловой жидкостью.

– Видишь, какое ты мне ожерелье подарил. Сильно было?

– Ох и сильно!

– С тебя бонус.

– Какой ты хочешь.

– Будешь меня на руках носить целый день.

– Ладно, договорились.

– Я в душ. Вари мне кофе.

Михаил собирал в полиэтиленовый пакет помидоры, огурцы, кетчуп чили, достал из холодильника пару упаковок пива и бутылку красного вина. Вошла Белка, на ней была короткая джинсовая юбка и желтая маечка с подмигивающим смайликом, на шее виднелась малиновая полоска от купальника, волосы ее были собраны на затылке в хвост.

– Ты что это за купальник надела? Это тот, где вместо плавок одна тесемочка на попе?

– Ну Мишка!

– Давай бегом меняй! Вячеслав Ивановича голой попой соблазнять собралась?

– Изверг! Пиратище противный!

– Давай-давай. А то останешься дома борщ варить. А я поеду девчонкам шашлыки жарить.

Девушка мотнула хвостом и ушла, Михаил закурил. *Вот никак из нее это не вытравишь. А в Ницце сначала стеснялась топлес на пляже ходить. Потом, правда, привыкла. Как-то чудно в ней сочетается стыдливость и желание нравиться всем подряд. Может, это чисто природное. Или ты хочешь, чтобы она превратилась в клушу в байковом халате. Ты же сам покупал ей платья, в которых она выглядела более возбуждительно, чем если бы была просто голой, сам ее подталкивал к этому. Ну покупал. А теперь ты себя чувствуешь системой ПВО – только успевай ракеты выпускать по разным стервятникам, нарушителям границ. Вот скажи честно, если бы ее можно было перепрограммировать в компе, ты бы это из нее убрал? Нет, Майкл, не убрал. Может быть, это постоянное состояние «на боевом дежурстве на страже родины» и дает тебе почти непрерывное возбуждение, не дает угаснуть огню твоего желания. Может, товарищ майор, хрен его знает.*

Вернулась Белка, полоска на шее была уже зеленая.

– Где мой бутерброд? И кофе.

– Шас будет. Сей момент, графиня.

Михаил нажал кнопку на кофеварке и запустил микроволновку и через пять минут с удовольствием смотрел, как его девочка уписывает за обе щеки батон с расплавленным сыром, запивая его кофе.

– На тебе поедем?

– Ну уж наверно не на «Мустанге». Еще застрянет там.

– Жаль.

– Да его же все уже давно видели.

– Все равно приятно. Прокатиться с ветерком.

– Ты что, моего коника не любишь?

– Твоего коника я люблю. А ты свою лошадку?

– А моя лошадка вообще самая классная. Рыжегривый мустанг.

– Как я выгляжу?

– Сразишь всех наповал.

– Вот льстюн ты подхалимский. Поехали уже.

Михаил загрузил кастрюлю и пакеты в багажник своего темно-синего Х5, уселся за руль, Белка села справа, коник резво вырулил со стоянки.

На берегу Змейки было какое-то подобие пляжа, куда съезжались поваляться на песочке простые мухосранцы, но решено было отправиться на пару километров дальше, где была небольшая поляна, тихая заводь с камышами – туда пешком никто не заходил.

Михаил припарковал машину в тени рядом с весело-салатовой «Фиестой», вышел и потянулся: четыре человека уже бродили по полянке.

– Привет, Маринка, здоров, Колян, привет, девчонки.

Были еще две девушки, имен которых он не знал, хотя видел их в больнице не раз. Маринка была невысокой черноволосой стройной девушкой, подружкой Белки, а Николай – ее мужем. Михаил с некоторым подобием стыда вспомнил их свадьбу, где Белка была свидетельницей, а он устроил мордобой из-за пошлых игр, в которых ей пришлось участвовать. Николая с тех пор он почти и не видел, а Маринку встречал часто, когда заезжал в больницу; между ними существовала тонкая невидимая интимная паутина: он перед свадьбой ночью чистил

комп Вячеслава Ивановича, в котором были фото Марины, мягко выражаясь, не совсем одетой. Он их даже сохранил себе и сейчас мог отчетливо представить, какая бы она была, если бы совсем сняла купальник; это его немного возбуждало, хотя ни о каком флирте речь никогда не шла – все знали, что она и после свадьбы осталась с Вячеславом.

Чтобы загладить легкое чувство вины, Михаил достал из багажника пару банок пива.

– По пивчику, Колян?

– Ну давай.

Они крякнули ушками банок и закурили. Белка ушла здороваться с девчонками, потом достала клеенчатую скатерть, расстелила ее под кустом, достала пластмассовую посуду и прочий мелкий скарб.

– Ну что, пора костерчик организовать. Пошли за дровами.

Михаил отправился в лес и почти сразу набрел на здоровенную сухую ветку, приволок ее на поляну, поломал руками-ногами и принялся разводить костер. На опушке лежали два бревна со старым кострищем, там даже были металлические штыри и перекладки для шампуров. Он сложил ветки домиком, добавил щепок и сухой травы; огонь запыхал, а он снова двинул в лес.

Лес он любил, хоть и выбирался сюда не часто. Звуки и запахи набросились на него: кукушка начала гадать ему долгую жизнь, дикие голуби перекликались между собой, мелкие пичужки чирикали, радуясь жизни; смоляной запах сосен напомнил ему взморье на Крите, пальцы его срывали листья полыни и подносили к носу. Он находил сухие ветки, бросал на тропинку, чтобы забрать их на обратном пути, и брел дальше, пока тропа не вывела его к берегу реки. Он присел на корточки, закурил и стал бросать кусочки коры в воду, покой и тихая радость наполнили его душу.

Жизнь – это всего лишь круги на воде от брошенного богом камня. А мы суетимся, мечемся, хотим что-то в ней изменить. Такая все это суета. Вот ползет божья коровка, и нет ей дела до всех наших любовей и ненавистей, радостей и печалей. Лети себе на небо, там твои дети.

Михаил вытащил нож, срезал ветку орешника и стал ее строгать, затачивая конец. *Эх, такой бы тебе ножик в детстве, когда ты делал рогатки, шпаги и мечи. И почему многие вещи становятся нам доступны, когда уже почти нас не радуют. Двадцать лет назад ты бы полжизни отдал за него. Три года назад ты купил бимер и радовался как ребенок, а сейчас просто едешь на нем в лес – просто хорошая удобная тачка. Ладно, идем назад, а то огонь погаснет. Костер ведь тебя еще радует. Это всегда. И Белка. Да.*

Михаил поднялся, метнул свой дротик в чашу и двинулся обратно, подбирая на ходу ветки.

На поляне уже прибавилось людей, Михаил сбросил ветки у бревен, подбросил в костер и подошел к Белке. Она уже была в купальнике, рядом стояли несколько ее сослуживцев, он приобнял ее правой рукой за талию и прижал к своему бедру, обозначая собственность. Девушка на момент положила ему голову на плечо, потом потянула вверх края его майки.

– Снимай, уже жарко, Мишунчик.

Он стянул через голову футболку, но шорты снимать не стал, чтобы не привлекать внимание к легкому вздутию в паху. Обмен приветствиями закончился, раздался шум мотора, и на поляну въехал серебристый «Land Cruiser». Из него вышел мужчина с вислыми усами и солидным животом в шортах бермудах и гавайской рубахе навыпуск – это был Вячеслав Иванович, главврач мухосранской районной больницы. Он обошел машину и открыл правую дверцу, из которой выплыла плотная женщина лет сорока со смоляными черными волосами. Ее летнее цветастое платье на пуговицах позволяло заметить округлую грудь, меж холмами которой поблескивал гранатовый крестик – Анна Сергеевна, заведующая терапевтическим отделением, была в темных очках.

– Да уже все и в сборе! Молодцы! Только мы опаздываем. Ну да нам простительно по старости. Это я про себя, Анна Сергеевна. А шашлыки как?

На поляне возникло всеобщее движение, Михаил отправился к костру, поворошил уже почти прогоревшие ветки, присел на корточки и закурил. Поляна была усеяна пледами, люди расположились кто-где, лежали, сидели, болтали, рассказывали анекдоты, пили пиво, кто-то включил музыку; солнце светило, девушки все были в купальниках, а парни по большей части в купальных шортах, хотя не купался никто – вода была еще прохладной.

Анна Сергеевна нашла место для пледа, положила на него сумку и стала расстегивать платье. Голова ее была повернута в сторону костра, хотя за очками Михаил не мог разглядеть, смотрит ли она на него. Он же на нее смотрел исподлобья, узнавая ее роскошные формы под леопардовой расцветки закрытым купальником. Она играла в его жизни странную роль: знакомы они были давно, их тянуло друг к другу физически, Анна Сергеевна много раз пыталась его соблазнить, а он всячески сопротивлялся, хотя знал, что она, как всякая женщина, чувствует его желание; ее поведение не было агрессивным, и все это в конце концов вылилось в какую-то странную почти дружбу: она много раз гасила его ревность, когда Белка крутила хвостом, успокаивала его и возвращала ему уверенность в себе; он был благодарен ей как матери, хотя чувствовал, что все это слегка отдает инцестом.

Михаил подошел к группе, где была Белка, потерся носом о ее плечо, она чмокнула его в ухо.

– Пошел я шашлыки жарить.

– Та давно пора! Народ к разврату готов! Уже изнывает.

– Так вы тут покромсайте все, разложите. Полчаса, и будет вам пир Валтасара.

– Кого-кого?

– Да был такой царь вавилонский. Картина есть у Рембрандта. Про пир.

– Ты помнишь, что ты мне обещал окончить университет?

– Помню-помню.

– Так что там царь твой.

– Да он так долго пировал, что не заметил приближения персов. Это как раз символ...

– А у Надюшки вон такой красивый перс есть!

– Все в тему. Пошел я.

Михаил принес к костру кастрюлю с мясом, достал из багажника шампура и бутылку воды и стал нанизывать мясо. Сок капал в огонь, шкварчал, от костра поднимался дым, который боги Олимпа вполне могли принять за жертвоприношение. К костру подошла Анна Сергеевна.

– Здравствуйте, Миша.

– Здравствуйте, Анна Сергеевна. Вы в этих очках прям как Джина Лоллобриджида.

– Спасибо. А Вы будете Фанфаном-Тюльпаном?

– В детстве был. Сабли там... рубилово бывало ужасное.

Анна Сергеевна повела головой в сторону его ножа.

– Да Вы и сейчас... Вооружен и очень опасен.

– Ну, Вам-то опасаться точно нечего.

– А вот это и жаль.

Они смотрели друг другу в глаза, понимая все и без слов, зная чувства и мысли другого. Михаил первый отвел взгляд, который как магнитом притягивала грудь докторши. Когда-то она измеряла ему давление у себя в кабинете, и совершенно случайно, как казалось, левая ее грудь легла в его ладонь, пальцы его на мгновение рефлекторно сжались, а она не отодвинулась, ничего не сказала, только пригласила его домой на чай, и он, как привязанный верблюд, потащился за ней, и там... Чай был замечательный.

– Эх, горит наш шашлык!

– Поливайте скорей.

Михаил побрызгал водой из бутылки на мясо, опять поднялся дым, а он встал и замахал руками.

– Извините. Будете костром пахнуть.

– Это ничего. Это же Ваш костер.

– Анна Сергеевна... ну мы же договаривались.

– Такое Вы кольцо роскошное Бэле подарили. Свадьба скоро?

– Нет. Пусть доучится.

– Ей оно так нравится. Знаете, сидит на совещании, пальцы растопырит и вертит ладонью.

И не слышит ничегошеньки!

– Правда?

– Да.

Такое простое известие почему-то теплом залило душу Михаила, он вспомнил тот вечер, шампанское в богемских бокалах, Белку с его членом в руке, жемчужные капли... и потом то фото в фейсбуке, уже без члена, но с бокалом, под которым она написала, что только что была Клеопатрой. *Интересно, догадался кто-нибудь, что было в том бокале? Ну, народ у нас простой, может, и не догадались. Но ты-то знаешь.* Какая-то мальчишеская бравада захлестнула его, он достал смартфон, открыл фейсбук и протянул женщине.

– Красиво. А зачем сейчас кольцо, если вы не собираетесь...

– Вы «Наполеоновский обоз» не читали?

– Рассказывали мне, что хороший роман, но я все никак не соберусь.

– Там герои любят друг друга, еще в школе... А потом он уезжает учиться в Питер... и совершенно места себе не находит. Он считает ее самой красивой. А она там одна осталась. И вот однажды он срывается, едет домой и устраивает венчание на скорую руку. Успокаивается и уезжает назад.

– Успокоило это Вас?

– Нуу... Я знаю, что человека изменить нельзя.

– Но Вы же знаете, что она Вас любит.

– Да знаю, знаю. Но иногда...

– Это нормально, Миша. Это абсолютно нормально, поверьте мне. Вы знаете, какое второе чувство появляется, когда человек осознает, что он влюблен?

– Какое.

– Тревога.

– Странно, по-моему.

– Ничего не странно. Страх потерять. Это всегда так – вслед за радостью от обретения.

Если этого нет, то нет и любви.

– Ну, тогда...

– Да. На свадьбу пригласите?

– Всенепременно. Идемте.

Михаил собрал двумя руками шампура и понес их к скатерти, там упер концы в миску и ножом подвигал мясо вниз; народ заметно оживился, стал подтягиваться центру праздника с бутылками, захлопали пробки, бордовые струи устремились в пластиковые стаканы. Он отошел в сторону, достал из пакета в воде несколько банок пива, притулил их на скатерти, открыл одну и с наслаждением глотнул янтарной жидкости. Со всех сторон неслось: «Ууу! Пальчики оближешь! Язык проглотишь!». Белка принесла ему тарелку с кусочками мяса, огурцами и помидорами.

– Отпадно получилось! Такой ты у меня куховар, Мишка. А я так редко тебя балую. Ешь сам-то.

– Ну, может, еще побалуешь как-нибудь.

– Ты про что?

– Про все.

– Вот ты развратный пиратище, – прошептала она ему в ухо.

– А вино как?

– С мясом сухое чудесно просто. А так я люблю сладкое. Меня тут девчонки «Изабеллой» угостили...

– Ну конечно, из твоих родовых виноградников.

– Мишка, ну чего ты у меня болтун такой? И за что я тебя, Дуридома, полюбила? Помнишь, как ты меня во дворе все время подкалывал? «Рюмка водки на столе»... соленый огурец предлагал... Лепса уже послушать нельзя.

– Так полюбила-таки ж?

– Да я тебя сто лет как полюбила. А ты все...

– Так надо было самой сказать. Или хоть подморгнуть.

– Ага. Я девушка скромная. И вдруг я тебе не нравилась.

– А ты помнишь, как мы с тобой в кино ходили? Еще до того.

– Ну конечно. Ты мою ногу гладил. А я все ждала-ждала... А ты... Дуридом совсем.

– Что-то ноги устали. Пошли посидим.

Михаил по ходу опустил тарелку на скатерть, взял салфетку, вытер руки и двинулся к берегу, чуть вправо от центра поляны. Там он опустился на траву, глотнул пива и закурил. Белка догнала его, уселась рядом и вытянула ноги к воде.

– Хороший сегодня день. Как на заказ.

– Так это я и заказал. А то мяса столько куда девать.

Белка провела ступней по голени Михаила, он глянул на нее и положил руку на ее бедро. Ладонь дошла до колена, ощутила его округлость, вернулась назад и переместилась на внутреннюю сторону, ласкала нежную кожу ляжек и как бы случайно трогала венерин холмик. Белка резко оглянулась, сжала ноги и убрала его руку.

– Ты же знаешь, что я могу утворить.

– И шишки сыпались с ветвей?

– Типа того.

– Так пошли вон за кустик.

– Ну ты что. Они же услышат.

– А ты тихонько.

– Ну странный ты, Мишка. Я в этот момент себя иногда совсем не контролирую. Особенно когда выпью. Хорошо, что мы не на «Мустанге» приехали.

– Так пошли тогда к людям. Хочешь еще вина?

– Ну пошли.

Людей стало как-то меньше: кто-то играл в бадминтон, кто-то в карты, а кто-то и просто загорал. Парни травили анекдоты, девчонки заливисто хохотали.

«Ученик пришел к раввину:

– Ребе! У меня есть желание жить вечно! Что делать?

– Женись!

– И что? Я буду жить вечно?

– Нет! Но желание скоро пройдет».

Анекдоты почему-то все подбирались на матримониальную тему.

«– Додик, шо там упало на кухне?!

– Ривочка, это не бунт, это случайно!»

– А вот еще послушайте:

«Во время праздника одна парочка уединилась в темной спальне. Шепот, шорохи, сдержанные крики, рыдания...

– Ах, Яша, почему же ты раньше не любил меня так страстно, как сегодня?! Наверное, потому, что сегодня праздник?

– Нет, наверное, это потому, что я – не Яша!»

«– Абраша, милый, что ты посоветуешь мне почитать?»

– Сарочка! Почитай молитву, пока я дочитываю переписку в твоём телефоне!»

Михаил смеялся вместе со всеми и думал, *сколько во всем этом простой житейской меткости. Недаром Фрейд написал свое «Остроумие и его отношение к бессознательному». Так иногда зацепит... до самого нутра. Мудрящий был старик. И Эдип его этот... и символы...*

Он вынул нож, подбросил его, поймал за лезвие и со всего маха всадил в землю, вытащил, вытер о шорты и вернул в ножны.

– Пошли, Бельчонок, птиц послушаем.

– Ну пошли.

Они углубились в чащу, и минут через пять шум веселья на поляне затих, лес наполнил их уши своими звуками, шорохами, жужжанием и свистом. Михаил отодвигал ветки кустов рукой и придерживал их, останавливался, слышав особо залиvistую трель, срывал травинки и жевал их, вспоминал, как в детстве он с друзьями читали затертые книжки Фенимора Купера и Джеймса Шульца в «Библиотеке приключений», а потом они играли в индейцев, делали луки, копья и стрелы, прикрепляли к затылку тесемкой найденное воронье перо и орали во все горло, изображая победный клич команчей; кому-то по считалке выпадала роль бледнолицего, и его привязывали к дереву, а сами вприпрыжку носились вокруг. Все они носили старые кеды и учились бесшумно двигаться по лесу, чтобы, внезапно выпрыгнув, схватить врага за горло и снять с него скальп. Нож у него тогда был перочинный, складной, он точил его об ступени и никогда с ним не расставался.

Деревья стали редеть, за ними проглянула Змейка, запах воды и мокрой зелени наполнил ноздри. Они дошли до берега реки, никого вокруг не было и даже следов человека не было видно.

– Раздевайся, маленькая, походи голой, побудь дриадой.

Белка не стала спорить, сбросила босоножки, сняла купальник и примерила босые ступни к палой листве с молодыми зелеными побегами. Михаил достал смартфон, открыл камеру и пощелкал; стремление фотографировать Белку не утихало в нем, хотя у него были сотни ее фотографий, таким образом он как бы привязывал ее к себе – фото никуда не могло от него убежать и всегда было с ним.

– А давай на тебя нападут пираты, Бельчонок.

– И привяжут к пальме?

– Ну да. Они же всегда так делают.

– И надругаются над маленькой девочкой?

– А девочка не хочет?

– Да девочка давно хочет, а пираты все по лесу рыскают, грибы ищут.

– Ну иди сюда, побудь пленницей немножко.

У самого берега из одного корня в разные стороны росли три ствола ольхи, Белка стала между ними и подняла руки, ухватившись за горизонтальную ветку. Михаил вытащил из петель ремень, нож засунул в задний карман и захлестнул петлей запястья девушки, нетуго затянул и отошел назад.

– Приятно тебе, Мишка?

– Я себя ощущаю вождем краснокожих, который выкрал бледнолицую рыжую красавицу.

И сейчас...

– Тю. Ты же был пират.

– Для пиратов ветер не попутный. Унес их бригантину в другую сторону.

– Ну ладно. А вождь меня мучить будет или сразу вы*бет?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.